

Последние десять лет мы очень дружили с Леонидом. Он помогал мне создавать Международный союз писателей Иерусалима, рекомендовал для журнала «Литературный Иерусалим» многих талантливых литераторов. Часто заезжал в гости, читал новые стихи и, не обижаясь, прислушивался к советам. Однажды, выслушав новое стихотворение, я пошутил: «Леня, когда ты его напечатаешь, я на эти две строчки напишу пародию». Через 15 минут Леня перезвонил, и этих строчек уже в стихах не было. Отношения у нас были близкие, тем более что по зодиаку мы оба Близнецы.

Леонид Колганов родился 14 июня 1955 года. Коренной москвич. В 1989 году — лауреат VI Московского совещания молодых писателей, принят в Комитет литераторов Москвы, а через два года рекомендован А. Вознесенским на стипендию Фонда культуры.

Репатрировавшись в Израиль, Леонид остался носителем русской культуры и поэзии, основав литобъединения во многих городах юга страны, в том числе «Поэтический театр Кирьят-Гата» и «Негев».

И уже в 2005 году он стал почетным гражданином Кирьят-Гата — города, где жил. А также сделал

ся лауреатом премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность» в номинации «Поэзия».

В 2016 году Леонид Колганов совместно с женой Валентиной Бендерской основал в Тель-Авиве Всеизраильский поэтический клуб «ПоВтор», фишкой которого стали Международные поэтические скайп-мосты «Поэзия без границ». В них участвовали поэты из разных городов и стран: Израиля, Украины, Испании, Греции, России, Белоруссии. По материалам этих телемостов выпускался альманах «Свиток 34».

Поэта Колганова знала и литературная Москва, и литературный Израиль. Леня жил и дышал поэзией, он мог читать стихи без перерыва, свои и чужие, и память у него была великолепная. Ему надо было выплеснуться строками, как океану во время прилива, как вулкану — выдохнуть лаву. Не зря творчество Колганова было оценено медалью «Русская Звезда» имени Ф. И. Тютчева «За весомый вклад в литературу».

Многое в жизни несправедливо, и скоропостижная смерть не только моего друга и друга многих поэтов всего земного шара, но и рыцаря русской поэзии — одна из величайших несправедливостей нашего мира.

*Евгений Минин,
председатель Международного союза писателей Иерусалима,
главный редактор журнала «Литературный Иерусалим»*

Мой гость

В могилы черную постель
Я лег вдали от хаты,
Лежу за тысячу земель
От Родины проклятой!

Но там я свой оставил хвост,
И не пройти мне мимо,
Лежу за сотни тысяч верст
От Родины любимой!

Оставил душу там, не хвост,
Отбросив здесь копыта,
Но снова я смотрю на Ост,
Где Родина забыта!

Пускай покинул я ее,
Еще во время Оно,
Там все мое, там все мое,
И даже смерти лоно!

И там блуждает средь могил
Душа моя живая,
Как будто только ею жил,
Ее не покидая!

Пронзив насквозь сто тысяч верст,
Прорвав границ охрану,
Ко мне пришел Руси погост,
Как Командор к Жуану!

Дохнул он русскою зимой,
Чтоб мне в снегах согреться...
И мнится, — он пришел за мной,
И никуда не деться!

Хвосты

Как гарем обезьян — на развалинах Храма,
Прокаженные спят — среди каменных будд,
И объяла их всех смуглым маревом карма,
И, проснувшись, свершают кармический блуд!

Средь священных коров и языческих пагод
Разгулялись они, словно в бане хлысты,
И накушались всласть местных сладостных ядов,
И мелькают меж них обезьяньи хвосты!

Обезьяны снуют среди них, как собаки,
Что в глубинах Руси трутся меж алкашей,
И теряется Индия в опия мраке,
И теряется Русь средь пивных миражей!

Миражи, миражи! Лишь они обступают!
И завшивели Шивы среди наркоты,
Тут и там, словно змеи, меж нами мелькают
Лишь собачьи и обезьяньи хвосты!

Лишь они остаются, в сплетенных, живые,
Я запутался в этих сплетенных хвостах:
Напиши слово «Индия» — выйдет «Россия»,
Напиши слово «Русь» — выйдет «Будда в снегах»!

В объятьях Земли

С тобой я встречи не искал,
Но чувствовал — в земле поладим,
И обещание читал
В твоём замороженном взгляде!

В твоих глазах испуг набряк,
Сгустившийся свинцовой тенью...
Я в них увяз, словно бурлак,
В болотных путаясь растеньях!

И эта встреча роковая
Ударила по нам вдвойне,
Ты шла, как туча грозовая,
На радость и погибель мне!

Несла ты глаз бездонных воды,
На переходном рубеже,
И гас мираж мужской свободы,
Опаснейший из миражей!

Ты шла, словно земля сырая,
Будто могила на двоих,
И мы, судьбу не выбирая,
Тонули в водах земляных!

Вернуться не хочу обратно,
Когда в такую глубь ушли...
И я тону в твоих объятьях,
Словно в объятиях Земли!

Томленье

1. Из цикла «Психомистический реализм»

Он покой келейный вновь нарушил,
Только это был не сатана,
На твою иссохнувшую душу
Накатил, как потная волна!

И тебя, сдавив в объятьях крепко,
Как морская плотная вода,

Словно человеческую щепку,
Он понес неведомо куда!

Будто Зевса львиная зевота,
С неба пала жаром на плечо,
И в твоей почти угасшей плоти
Раскалились угли горячо!

И в объятьях, млея от волненья,
Позабыла: что добро, что зло?
Женское истомное смятенье —
Вместе с ним невесть куда несло!

Он — смилив, как монастырь иль лагерь,
Вывернул, как шубу, бабий век,
Это был не демон и не ангел,
А возможно, и не человек!

И забилась ты, как мышшь, келейно,
И в упор не видела его...
И несло тебя одно томленье,
Только женской смуты естество!

2. ЦАРИЦА И ПЛЮЩ

Сошлись вы на одной тропе,
Что уже узких улиц...
Чьи руки — сами по себе —
Вокруг тебя сомкнулись?

Незримым кто тебя плющом
Обвил в вечерней мгле?..
И царственным твоим плащом
Он не прижат к земле?

И век свободы не видать
Царице величальной,
Ведь ты свободна горевать
Лишь в одинокой спальне!

И ты, страдая и любя,
Вязала жизнь на пяльцах...
И тихо гладили тебя
Его слепые пальцы!

Вязала жизнь свою, как вязь,
Причудливым узором,
Но он, вокруг тебя вясь,
Не выгнан был с позором!

Когда была ты на краю,
В своем предсмертном платье,
Он власть твою и жизнь твою
Еще сжимал в объятьях!

ГУЛЯЕТ ВЕТЕР

Гуляет ветер многогривый,
Гордясь избытком молодым,
В размахе гривы, словно гривны,
Сияют золотом своим!

И посреди небесной бури
Буянит ухарь молодой,
Сглупа уже набедокурил,
Стрезва, а все же под балдой!

Но в небе не найдя причала,
Нежданно головой поник,
И поседелый, одичалый
Разбился оземь ветр-старик!

И не заметил он старенья,
Как гривы снегом замело,
А от паренья до паденья
Всего мгновение прошло!

Одно мгновенье роковое,
Перечеркнуло Бытие,
Нашел он в небе — Ватерлоо,
В земле — Астапово¹ свое!

И не найдя родного дома,
В подземном варится котле,
О, эта участь мне знакома,
Я сам, как ветер, зарыт в земле!

КРОВЬ ВОЙНЫ

Нефть — это кровь войны.

Когда я от тебя уехал
И гнал в ночи своих гнедых,
То плечи гор тряслись от смеха,
Как плечи викингов седых!

¹ Астапово — станция, на которой умер Лев Толстой.

Смеялись горы, словно люди,
Над грудой наших пустыков,
Но вяли, будто женщин груди,
Тьмы мной подаренных цветов!

И друг от друга мы бежали,
Устав от пустыковых ссор,
И тени устали лежали,
Как тучи, под глазами гор!

И был разрыв двойной непрочен,
И отступило в сумрак зло,
И солнце из объятий ночи,
Над нами заново взошло!

И среди этой круговерти,
Несли в жемчужной нас крови —
Не темные потоки нефти,
Потоки горные любви!

Несли потоков горных гривы,
Словно расхристанные львы,
Мы миновали все обрывы,
Скатившись с лавиной головы!

Несли потоки нас земные,
Сходились мы, как две волны,
И отступали нефтяные —
Потоки, — крови и войны!

Чернобыль и Полюнь-Звезда

(Из цикла «Астральные Войны»)

Валентине Бендерской

До дней последних донца.

Владимир Маяковский

Закончился наш лунный бред,
На день мы стали старше,
И солнце снова дарит свет
Из раскаленной чаши!

Готовы звезды вновь взойти
На небе в час свой поздний,
Но солнце встало на пути,
Путь преградило звездный!

На груди Матери-Земли
Готово солнце рухнуть,
Чтоб звезды заново взошли
Должно оно потухнуть!

Тогда нас снова ждет беда,
И не хотим мы, чтобы
Опять взошла Польша-Звезда,
И пала на Чернобыль!

И чтобы обрести Покой,
Чтоб вновь нас озарило,
Как Маяковский крикнем: «Стой,
Не уходи, светило!

Нам без тебя совсем — не быть!
Свети опять до донца...
Как в этой жизни совместить
Польшу-Звезду и Солнце?!

Ведь ты меня в наш первый день
Лучами озарила,
Затем нашла тень на плетень,
Твоя Польша спалила!

Ты Солнце и Польша-Звезда,
Единая в двух лицах,
И не уйти мне никуда,
Нет от тебя границы!

Неужто Звездною Войной
Идти мне в бой с любимой?..
Как совместить в тебе одной
Все, что несовместимо?

Но может совместить любовь
Два разные светила:
Чтоб озарило Солнце вновь,
И вновь Польша спалила!

И хочет рок, коней взнуздав,
Чтоб мы горели оба:
Ты вечная Польша-Звезда,
Я — вечный твой Чернобыль!»

СКВОЗЬ ТЬМУ

С возрастом мое слабеет зренье,
Пред глазами кружатся слепни,
Но молю: «Вернись хоть на мгновенье
И опять красою ослепи!»

Ничего уже вблизи не вижу,
Но твою предвижу красоту,
Словно к смерти, к ней все ближе, ближе,
Ей сто жизней мертвых предпочту!

Как лунатик по неверной крыше,
Будто камикадзе, в даль идет,
Я на голос твой, что вечно слышен,
Вновь иду, как старый идиот!

Как слепой подземный прорицатель,
Лишь тебя провижу в темноте,
И иду, мгновенно прозревая,
Я — к тебе, забыв о слепоте!

И — закончив битвы все друг с другом,
Оба проиграли мы войну,
Но твоим вновь окруженный кругом,
Снова вижу я тебя одну!

И валюсь, поверженный громами,
Словно острой скошенный косой,
Не седыми ослеплен годами,
А твоей пронзительной красой!

ПОРА ЛИСТОПАДА

Отлетают осенние листья,
От меня, словно души друзей,
И пора листопадная лисья
Кружит их средь раздетых полей!

Древо дружбы, наверно, засохло,
Его корни сгорели живьем,
И стоит оно сиром и голо,
Пара листьев трепещет на нем!

И не много осталось до хлада,
Среди стылых деревьев и полей,
И уносит пора листопада
Злато листьев, как души друзей!

Отлетать им уже не впервые,
Листопад кружит рыжей лисой,
И летят, как рубли золотые,
Листья дружбы на Вечный Покой!

Больше нет молодых и зеленых,
Нас шатает в метелях седых,
И летит стая листьев спаленных,
Словно пепел всех дружб золотых!

Пьяный листопад

Тень самолета, как гигантской птицы,
Иль птицеящера? Попробуй разберись!
Когда любви заволокло зарницы,
И мы с небес упали оба в низь!

Я знаю дату точную прилета,
Но не могу никак предугадать:
Ждать твоего в лазури самолета?
А на земле его совсем не ждать?

И хочется начать мне все по новой,
Уйти опять: где чисто и светло,
Пока в душе не стерлись, как обновы,
Твои следы! Пока не замело!

В твоей душе покрыло все забвенье,
В моей, как листопадная пора,
Кружило листьев огненных паренье,
Как искры в рдяном трепете костра!

Костер погас, но угли все мерцают,
И этому я бесконечно рад,
И кажется — я падаю, взлетая,
К твоим ногам, как пьяный листопад!

Унижен иль возвышен — мне едино,
Пока в мерцанье снова не сошлись,
Я перепутал времени картины,
И опускаюсь в низь, как будто в высь!